

"ВСЕ ДОЛГИ МЫ ЗАПЛАТИЛИ НЕПРОСТОЙ СВОЕЙ СУДЬБЕ"

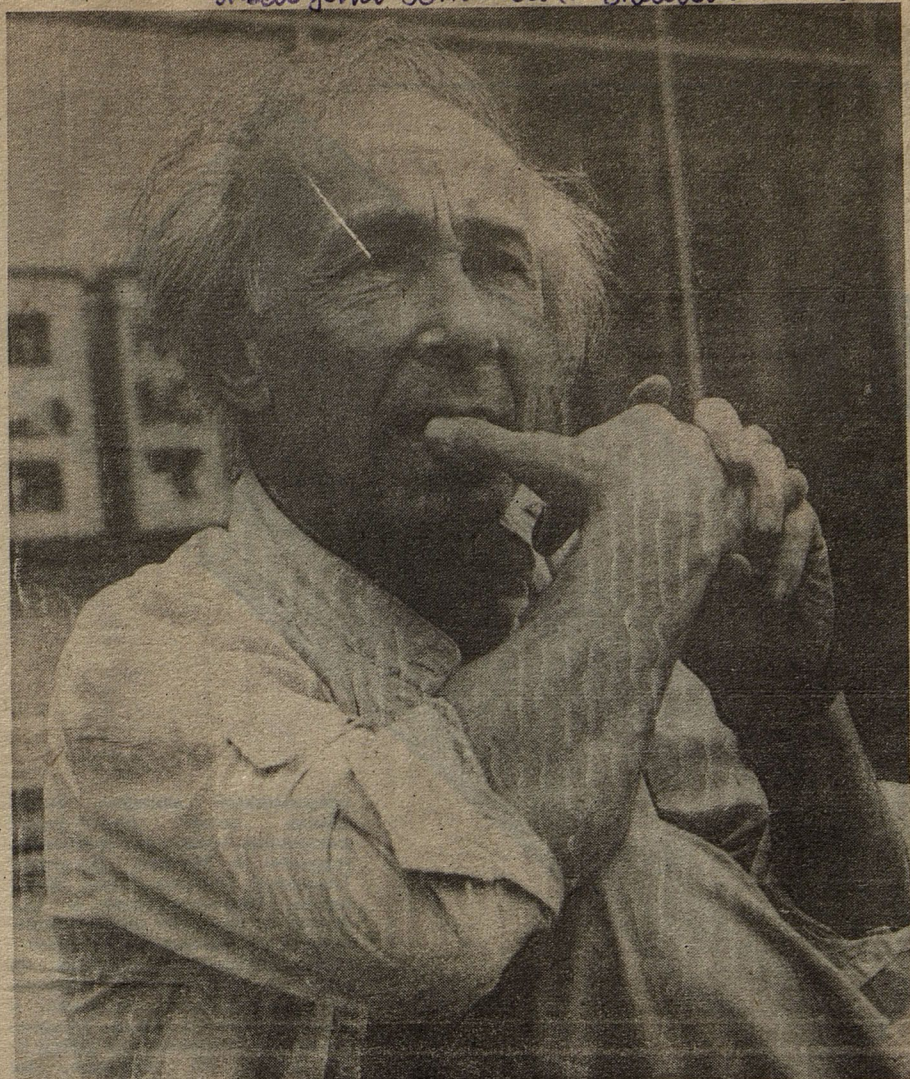
Два вечера подряд народный артист РСФСР Валентин НИКУЛИН играл свой моноспектакль, в котором звучали стихи Давида Самойлова, Юрия Левитанского, Булата Окуджавы, Осипа Мандельштама...

И в каждой поэтической строке, в причудливом сплетении образов и метафор жил - Артист. Он проживал на наших глазах судьбу лирического героя, как свою, и было больно за него, было радостно, было горько.

Мы верили вместе с ним, мы так хотели поверить. И вместе с угасающей в паузе неповторимой интонацией таяла наша надежда...

Стих то плавно лился, то нервически вздрагивал, то трагически обрывался. Он был похож на жизнь, этот пронзительно щемящий душу моноспектакль. И был он жизнью.

А потом - разговор с артистом. С той мерой нелепости происходящего, с той мерой реальности, что только в жизни бывает.

- Не хочется быть бестактной, Валентин Юрьевич, и все же честнее спросить прямо: ваш пронзительно грустный моноспектакль связан с резким поворотом, который должен произойти в вашей жизни?

- Когда режиссер телевидения Светлана Немцевская, с которой мы знакомы уже тридцать лет, узнала о том, что мне предстоит пройти этот резкий поворот (и, несмотря на это, я наконец получил звание народного артиста России, хоть это никому уже не надо, - все поздно, как всегда все бывает поздно в нашей стране), - она сказала: "Вот сейчас ты и должен сделать этот спектакль! Ты должен существовать абсолютно органично, как если бы ничего не было!" И спектакль стал как бы суммарным резюме, как бы итогом моих привязанностей...

- Но разве у привязанностей может быть итог?

- Конечно, нет. Ну, этап! Безусловно, этап, когда актерское отступает, а на передний план выходит личностное...

- Когда человек, живущий в нашей, сильно подзадержавшейся на пути к демократизации стране, решает на такой рискованный шаг, как эмиграция, он всегда это чем-то объясняет, у него всегда есть свое "потому что". Это "потому что" может носить общий характер, а может и глубоко интимный...

- Я понял ваш вопрос. И не претендую на оригинальность. Объективное может субъективно срабатывать в каждом с разной степенью, до остроты. Конечно, я "шестидесятник". Это очень важно. И ничего нового я не добавлю к тому, что сказал Булат Окуджава в интервью по радио в США в июне 1985 года. "Ну, а вы, Булат Шалвович, как перестраиваетесь?" - спросил репортер. "А что мне перестраиваться?" - ответил Окуджава. - Я тогда, в 56-м, настроился. Я поверил. Я рисковал. Ну, и получил за это. И вот теперь, по прошествии двух десятилетий, этой досадной, чудовищно досадной паузы я еще раз надеюсь. Я верю. Я рискую, я еще раз рискую..." Теперь, когда прошло еще пять полных лет, мы видим, как это все неоднородно. Недавно я разговаривал с Окуджавой. Узнав о том, что, как шестой вагончик (а я уезжаю с супругой и семьей ее дочери), я собираюсь переместиться в Израиль, он меня успокоил: "Ну, что ты, сейчас другое время. Я еду, и ты будешь приезжать". Для меня так важно было это услышать, потому что последний вагончик всегда самый шаткий, с наибольшим количеством подвешенных вопросов. Мы с Булатом оба арбатские, мы оба одной 69-й школы,

только в разное время ее закончили. "Вот если вынести за скобки некую нашу разницу в возрасте не в мою пользу, - иронично сказал Окуджава, - то что останется в скобках? Останется то, что мы оба этой почвы. И - язык! Он передает все наше ощущение мироздания, всю шкалу ценностей, которая вырабатывалась многими десятилетиями. Все в нас от этой многострадальной культуры. Но! Из нас двоих, конечно, тебе легче..."

- В том смысле, что вы артист и вас предьявить легче?

- Конечно. Вот он, голос, мимика, жест...

- Валентин Юрьевич, был ли конкретный толчок к вашему решению?

- Летом прошлого года я ступил на эту почву миллиметровыми шагами вместе с супругой. Это началось со встречи с режиссером Михаилом Каликом. Он тоже "шестидесятник", что очень важно. Вы, конечно, помните его фильм "До свидания, мальчики". Я снимался в его последнем советском фильме "Любить" - после мятарств с ним он уехал. (Все они уезжали в другое время, они были изгоями, врагами, изменниками.) Потом я перенес две тяжелые операции, одну из них в США. Через полгода было принято решение, и здоровье сыграло здесь не последнюю роль.

- Тактично ли будет спросить, на что вы рассчитываете в Израиле, если вынести за скобки бесспорно высокий уровень медицины? Русский актер, до мозга кости русский человек...

- Этот вопрос мне задают многие. Поначалу я считал, что решаюсь на этот шаг как человек, который может найти себе применение на русскоязычном вещании, которое там достаточно большое. У меня есть два моноспектакля, есть музыкальный репертуар. Это тот минимум, на который я рассчитывал. Но как только я сообщил о своем решении в "Современнике", раздался звонок, и я услышал, что режиссер Евгений Арье, который поставил в театре Ермоловой "Костюмера" с Гердтом и Якутом, собирается создать в Израиле русский театр, ибо проблема эта там назрела, и уже подбирается группа актеров. Конечно, все упирается в деньги, но так как в воздухе витает идея организации Русского центра культуры и театра как его составной, есть желающие поддерживать ее материально. Это обнадеживает. Естественно, я понимаю, что никакой белый конь, на котором я победно въеду в чужую страну, меня не ждет. На это я и не рассчитываю. Все с нуля. Все будет очень трудно в таком возрасте. Огромный риск. Для любого человека, а для актера осо-

бенно должна будет наступить та самая мертвая точка, которую надо пройти человеку нашей почвы, как обязательно гости проходят мертвую точку в четыре или в полпятого утра, когда вечеринка затягивается, и кто-то отрубается, а кто-то проскакивает и вступает в следующий день. И в этом смысле идея театра, которого мне будет не хватать, - мне будет не хватать запаха кулис, запаха краски - меня очень греет. Но это совершенно не исключает того, что я должен видеть глаза близких людей. Я должен видеть глаза Окуджавы, я должен возвращаться в Таллинн, я должен время от времени себя подпитывать. И я это прекрасно понимаю.

- Вам не страшно?

- Я знаю только, что больше не остается времени (да просто физически, по годам!) на то, чтобы еще раз, в третий раз найти в себе силы поверить столь же безоглядно. Нет ни времени, ни сил, ни душевных возможностей.

- Вы полагаете, что эти возможности откроются там?

- Нет... Нет. Чем больше проходит времени с того момента, как начала зреть во мне эта тема, тем отчетливее я понимаю, что в этой данности никаких откровений быть не может. Я понимаю, что и в театре, и в кино я свои пики прошел. Не объективно возможные, не по тому, что во мне заложено от природы, а в этой, я подчеркиваю, данности. Я это очень хорошо понимаю. Я спрашивал Мишу Калика: "А какая там будет жизнь?" - "Я не знаю, какая, - отвечал он, - но другая. Какая-то совершенно иная". Может быть, не такая органично естественная, потому что все-таки основные три десятка творческих лет, худобно, были пройдены здесь. И вся моя жизнь как драматического актера, киноактера, человека, который читает поэзию да еще в соединении с музыкой, все-таки случилась здесь. Другое дело, что я мог бы сделать значительно больше за эти же три десятка лет, самых активных в жизни актера. И оценен мог быть раньше, современней. Я ведь реализован, как сейчас принято говорить, неадекватно. И когда говорят о "Вечере несыгранных ролей", я могу назвать Сирано, которого не сыграл, а был обязан его сыграть, и мне об этом говорил Ефремов. И, конечно, я должен был сыграть Мальволио. Причем трагического Мальволио, а не такого, какого сыграл Табаков. Табаков хорошо сыграл, очень, но сыграл в том спектакле, какой поставил Питер Джеймс в нашем театре. И это правильно, что в той "Двенадцатой ночи", которая шла у нас в "Современнике", я играл не

Мальволио, а именно старого шута. Но, в общем, я был обязан его сыграть. Конечно, это другая тема: актер - режиссер, режиссер - актер. Мы все, вероятно, не очень точно реализованы. Большинство актеров проживают жизнь, так и не найдя своего режиссера, и очень многие режиссеры, переходя из театра в театр, на кого-то нападают время от времени, но так и не находят своего актера. И хоть меня утешают, что я могу там сняться в кино, ведь играл же в девятисерийном фильме "Петр Великий" отца Якова, - меня, дескать, там знают, меня видели. Видели... Наверное, и "Братьев Карамазовых" видели, потому что это Достоевский, роль, которая для меня стоит особняком. Но я думаю, что все разговоры о том, что меня там знают... Дай Бог, дай Бог... Я, как тот еврей из анекдота, который сидит голый и в галстуке. К нему заходит сосед: "Ой, что это с вами?" Он поправляет галстук: "Да вот, знаете ли, вдруг кто-нибудь зайдет". Сосед: "Да непременно придут. Дело уже к вечеру, вот-вот кто угодно может войти. Но вы в таком виде!" - "Да бросьте! Кто там придет, о чем вы говорите..." Он все понимает. Он понимает, что никто не придет, но для себя устраивает маленький праздник, маленький спектакль.

А с другой стороны - проведена черта. За ней - несколько ролей в кино, которые сделал я и мог сделать только я. Несколько ролей в театре, архив записей на радио... Что-то сделано... Момент здоровья, которое хочется продлить. И наконец - я "шестидесятник" и отжимал себя, как тубик.

- И были, наконец, честны.

- И остаюсь собой. И не изменил себе. А вместе с тем - это ж кому сказать! - став уже народным артистом, прослужив 30 лет в одном из самых популярных театров, я достиг своего потолка в зарплате. Мой потолок - 225 рублей. Это что же такое с точки зрения нашей жизни? На это я всегда слышу: "Старик! Ну, тебе ли говорить о деньгах? Это так на тебя не похоже!" Не похоже, не похоже, но это ведь есть! Да, мы себя не жалели. Мы жили в ощущении: "Во всем мне хочется дойти до самой сути..." Мы жили в ощущении самойловского: "...И что нельзя беречься, и что нельзя беречься!" Так вот, к этому все привыкли! Потому что так я и существовал 30 лет! И я уже чувствую, как был прав Юрий Визбор, когда написал: "Да, мой любимый, все долги мы заплатили непростой своей судьбе. Мы жили судьбами других. Пора подумать о себе".

Беседу вел Элла АГРАНОВСКАЯ. Фото Фаины КЛЮЧИКА.